

Затем генерал Лу, держа большой кувшин вина, подошёл с намерением «отвлечь внимание и ударить с другой стороны». Он рассчитал верно: генерал Сяо действительно не захотел, чтобы его «сердце и душа» страдали, и решил пить вместо него. Он пил одну чашу за другой, но ситуация казалась странной. Неужели этот парень переродился из винного кувшина? Столько людей так яростно «бомбардировали» его тостами, а он сидел так устойчиво: говорил уверенно, действовал размеренно, даже в своей сентиментальности был стабилен — он мягко поднял своего «сердечного друга», который сидел рядом, нежно проводил его в спальню, украдкой поцеловал там, а затем, не торопясь, вышел обратно в зал. С этого момента генерал Лу почувствовал предчувствие, знакомое по полю боя: «Враг силён, мы слабы», «Ветер крепчает! Отступаем!». Этот парень был слишком самоуверен. По его разумению, он, Лу Хунцзин, привёл с собой несколько десятков человек, чтобы напоить Сяо, так как же он мог оказаться в невыгодном положении? Ведь это несколько десятков против одного! Проиграть при таком раскладе было бы просто невыносимо!

Генерал Лу изо всех сил старался сохранять хладнокровие, глядя, как генерал Сяо медленно приближается. Он думал: «Притворяйся, притворяйся! Пусть не пьян! Пусть притворяется! Я принесу ещё несколько кувшинов, не верю, что ты не свалишься!»

— Цзюньцзэ, с тех пор как мы познакомились, прошло уже восемь-девять лет. У меня, Сяо Юя, не так много друзей, и ты один из них...

Стоп! К чему вдруг заговорил о «друзьях»? Это что, попытка сдать? Выпросить у «друга» поблажку, чтобы меньше пили, и не опозориться, став «слабым крабом», прежде чем войти в спальню?

Но, глядя на его спокойное, слегка раздражающее выражение лица, это не казалось правдой. Что же он задумал?

— Благодаря твоей щедрости, этот тост я выпиваю за тебя!

Генерал Лу, преодолевая нервозность, смотрел, как генерал Сяо наполняет две большие пиалки до краёв, одну пододвигает к нему, а другую оставляет себе.

— Давай, сегодня ночь радости, не уйдём, пока не напьёмся!

Давай, так давай! Неужели я могу тебя испугаться?!

Генерал Лу поднял пиалку, чокнулся с той, что держал Сяо.

— Выпьем до дна!

Он опрокинул её одним махом.

После четырёх пиалок генерал Лу уже демонстрировал все признаки пьяного человека: красное лицо, затуманенный взгляд, громкие выкрики, требования «ещё!». Кто бы ни пытался его поддержать, он говорил: «Наливай! Э! Я не пьян! Кто сказал, что я пьян? Хочешь, я тебя копьём сражу? Сяо Юй! Давай ещё! Не то что четыре пиалки, четыре кувшина я осилю!» Далее он повторял одни и те же фразы, то утверждая, что не пьян, то требуя ещё вина. Он был настолько пьян, что уже не узнавал собственного отца, но всё ещё пытался казаться сильным.

— Хорошо, хорошо, ты не пьян, это я пьян. Я больше не могу, ладно? — Генерал Сяо с мягкой улыбкой успокаивал генерала Лу, который был в пьяном угаре, и украдкой делал знак подчинённым, чтобы те увели его.

— Э! Вот это правильно! Впервые за столько лет ты такой честный! — Генерал Лу размахивал руками, как клешнями краба, пока двое подчинённых вели его в сторону, но он всё ещё пытался спорить.

Договорились, что генерал Лу возглавит шумное празднование в спальне, но что это было? Он проиграл, даже не начав? Так что же, теперь празднование отменяется? Или кто-то другой возьмёт на себя инициативу?

Генерал Сяо опередил события, используя свою невероятную способность пить, чтобы уложить лидера «беспорядков». После этого никто не осмелился вызвать его на поединок, и в спальне воцарился полный порядок.

Во вторую стражу ночи, проводив последних гостей, Сяо Юй вернулся из главного зала во внутренние покои. Придя на место, он сначала отослал охрану, закрыл дверь, и снова остались только двое.

Ляо Цюли уже давно сменил неудобный свадебный наряд на обычную одежду и сидел за столом, пил чай и иногда чистил арахис. Рядом стоял ужин, который принесли раньше — Сяо Юй знал, что у него нет аппетита, и специально приказал приготовить его любимые рыбные пельмени. Повар был мастером своего дела, пельмени с зелёным тестом из шпината и красной начинкой из рыбы с креветками выглядели очень аппетитно. К тому же их приготовление было делом хлопотным: тесто из шпината, начинка из красной рыбы, смешанной с креветочным фаршем. Каждый пельмешек был крошечным и очаровательным. Тот, кто их готовил, надеялся порадовать едока хотя бы немного, но аппетит Ляо Цюли был уже полностью испорчен обидными словами, и он не смог съесть ни одного. Пришлось оставить их остывать, пока они совсем не остыли. Пельмени потеряли вид: сначала лежали отдельно, а теперь слиплись в один комок. Очень жаль.

— Ужин не ел? — Увидев миску со слипшимися пельменями, Сяо Юй нахмурился.

— ...Не хочу есть. — Ляо Цюли не смотрел на него, а лишь на свою чашку чая.

— Что хочешь, закажу ещё. — У Сяо Юя тоже не было аппетита, но он считал, что человек должен есть три раза в день, и никакие, даже самые важные, дела не должны нарушать этот

порядок.

— Не надо. Правда не хочу. — Ляо Цюли немного подумал и наконец решил заговорить об их странных, ни к чему не обязывающих отношениях. — ...Сяолицзы, если ты ещё не хочешь спать... давай поговорим...

Сяо Юй подошёл и сел рядом, налил себе чашку тёплого чая, отпил пару глотков, съел несколько орешков. Закончив эту серию мелких действий, его мысли немного успокоились, и он спросил:

— О чём хочешь поговорить? Я слушаю.

— ...Я всё ещё придерживаюсь своих слов. Лучше всего, если мы вернёмся к тому, как было раньше. Если это невозможно... давай просто представим, что мы никогда не встречались. Как тебе?

Ты серьёзно со мной советуешься? Ты понимаешь, насколько жестокой и кровавой является фраза «представим, что мы никогда не встречались»? Одним предложением ты хочешь похоронить более десяти лет прошлого, чтобы прах вернулся в прах, а пыль — в пыль. Те дни, которые я считал сокровищем, ты можешь так легко отбросить, не испытывая ни капли боли. Да, этому человеку всегда хватало любви, в отличие от меня, который держится за эти жалкие воспоминания. Разве мы можем быть одинаковыми?

— Ляо Цюли, скажи мне честно, если отбросить различие в поле, что именно в нас не так. — Сяо Юй глубоко вдохнул, подавляя горечь, подступившую к горлу. Он хотел, чтобы всё было ясно.

— ...Дело не в поле... Я к тебе... никогда не испытывал таких чувств... Понимаешь? — Ляо Цюли тоже говорил с трудом. Эти слова нельзя было смягчить, иначе они превратились бы в тупой нож, медленно режущий плоть, в нерешительность, когда нужно было бы разорвать всё разом.

— ...Не до конца понимаю и не хочу понимать. Я знаю только, что в моём сердце остаётся всё меньше, а то, что ускользает, становится всё больше... Кроме смерти, я ничего не могу изменить, это граница, до которой мне не дотянуться. А то, что ещё можно увидеть и потрогать, я не хочу ничего другого, только крепко держать, чтобы эти «последние крупички» снова не выскользнули из моих рук... Ты говоришь, дело не в поле, но мне кажется, что для тебя пол — это самое важное. Если бы я родился женщиной, всё, наверное, было бы гораздо проще. Не говоря уже о другом, по крайней мере, твои родители были бы более снисходительны — женщина, потерявшая лицо, приходит к вам в дом с мольбами, нежным шёпотом, словами, полными печали, кто сможет остаться твёрдым?

— ...

Ляо Цюли молчал. Слова Сяо Юя не были лишены смысла. Его мать, хоть и с острым языком, была доброй в душе и любила красоту. Если бы действительно появилась женщина, похожая на Сяо Юя, она бы точно пошла на уступки...

— Пол действительно так важен?

— ...

Они снова вернулись в этот тупик.

— Тело, волосы и кожа даны родителями, изменить это нельзя. Я могу только быть мужчиной и делать всё это: давать обещания, просить руки, жениться, быть вместе... Ни одна женщина не сможет любить тебя так искренне, как я, и ни одна женщина не сможет отдать тебе своё сердце так, как я... Мы... не можем хотя бы попробовать? — Сяо Юй выдохнул всё это и затаил дыхание, ожидая ответа.

— ...А если в конце всё останется как прежде? — Что ты будешь делать?

— ...Я отпущу!

Я отпущу, тебе не нужно беспокоиться о том, живой я или мёртвый. В конце концов, я просто отпущу.

— ...

Между ними не было острого меча, чтобы перерезать клубок чувств, похожий на спутанный комок пеньки, только тупой нож, которым нужно медленно резать, смотреть, кто кого первым измучит до мягкости или кто кого первым измучит до смерти.

Ляо Цюли не ответил, что можно было считать молчаливым согласием с его словами.

— Ты отдыхай, я пойду в лагерь.

Сяо Юй, словно выдохшийся, встал, слегка пошатнувшись, едва удержав равновесие. Он бросил эту фразу и вышел за дверь.

На самом деле, он был не физически истощён, а морально. Он был настолько измучен, что не мог больше находиться рядом с другим человеком, и решил уйти, чтобы в лагере заглушить свою печаль.